

С. А. Нефедов

Региональные эффекты столыпинской реформы

Как известно, целью реформы П. А. Столыпина было увеличение производительности сельского хозяйства и, в частности, поднятие урожайности на крестьянских наделных землях. Реформа была рассчитана на длительный срок. Сам П. А. Столыпин говорил, что для подъема хозяйства требуется «двадцать лет покоя». Главный идеолог реформы А. Кофод полагал, что работы по землеустройству будут продолжаться примерно 50 лет¹. В 1912 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, подводя итоги реформы за первые пять лет, констатировал: «Если землеустроительные работы в Европейской России будут впредь идти в таком же объеме, как в настоящее время, то можно рассчитывать на завершение землеустройства по всей площади земель в течение 30–40 лет»². По более поздним расчетам Л. С. Дякина, для завершения работ требовалось 50–80 лет³.

Естественно, многие историки считали, что к началу Первой мировой войны было бы трудно ожидать от реформы решительных перемен к лучшему. Так, С. М. Дубровский писал: «За межреволюционный период никакого экономического переворота в русской деревне не произошло. Наметилась лишь тенденция к этому перевороту»⁴. Такого же мнения придерживались П. Н. Зырянов⁵, А. П. Корелин и К. Ф. Шацилло⁶. «Понятно, что реформа не изменила и не могла радикально изменить ситуацию в зерновом хозяйстве: для этого прошло слишком мало времени...» — признает М. А. Давыдов⁷.

С другой стороны, к 1913 г. во многих губерниях урожайность зерновых заметно повысилась, и возникла

**Нефедов
Сергей
Александрович**
д-р ист. наук, доц.,
Институт истории
и археологии
Уральского отделения
РАН (Екатеринбург,
Россия)

дискуссия о том, было ли это следствием реформы, или же главную роль играли другие факторы (в том числе благоприятные погодные условия предвоенных лет). Некоторые историки, в частности Дж. Ейни⁸ и К. Мацузато⁹, полагают, что к этому времени эффект столыпинской реформы уже успел проявиться и благодаря агротехнической помощи урожайность на крестьянских землях существенно возросла.

Однако до недавнего времени авторы, затрагивающие тему эффективности столыпинской реформы, не могли представить достаточных аргументов в пользу своей точки зрения. Очевидно, что для обстоятельного исследования обозначенной проблемы необходимо сравнение динамики урожайности в большом числе губерний и сопоставление этой динамики с темпами проведения реформы в этих губерниях. Это можно сделать лишь с помощью математических методов. Данные методы позволяют также определить регионы, где реформа привела к существенному положительному эффекту, и регионы, где она не вызвала повышения урожайности. Это и является целью настоящей работы.

В 2019 г. П. Кастанеда Дауэр и А. Маркевич построили регрессионную модель зависимости урожайности от нескольких переменных, главными из которых были число выходов из общины в расчете на гектар и число консолидаций в хутора и отруба также в расчете на гектар¹⁰. Модель оценивала эффект реформы в среднем для 45 губерний Европейской России на временном промежутке 1905–1913 гг.; она показала, что консолидация имела положительное влияние на урожайность, а выход из общины — отрицательное. Этот парадоксальный результат, вероятно, был связан с тем, что главные параметры модели не учитывали различие в плотности населения, т. е. одному и тому же числу консолидаций в расчете на гектар в разных губерниях могла соответствовать разная площадь консолидированной земли, от которой в конечном счете зависела урожайность. Кроме того, не учитывались долговременные циклические колебания урожайности, связанные с климатическими факторами¹¹. Период 1907–1913 гг. был временем естественного роста урожайности после периода убывания, и, таким образом, этот естественный рост был частично приписан последствиям реформы.

Значительный прогресс в решении вопроса об эффекте столыпинской реформы связан с появлением работы И. В. Кузнецова¹². Он проанализировал зависимость производства зерновых от двух главных параметров, характеризующих интенсивность проведения реформы в различных губерниях: 1) процента домохозяев, вышедших из общины и укрепивших землю в личную собственность (с 09.11.1906 по 01.05.1915), от числа владевших землей на общинном праве; 2) процента владельцев хуторов и отрубов, созданных на надельных землях за десятилетие (1907–1916), от общего числа крестьянских дворов по переписи 1905 г.

В статье И. В. Кузнецова рассматривается влияние этих факторов на производство зерновых. Главным показателем динамики зернового производства в различных губерниях является прирост среднегодовой чистой урожайности «главных» хлебов (ржи, пшеницы, овса и ячменя) на надельных землях за

1900/1904 — 1909/1913 гг. Отметим, что получение соответствующих данных из материалов официальной статистики потребовало большого количества вычислений, и теперь их наличие позволяет отказаться от рассмотрения других параметров (в частности, от рассмотрения динамики валовых урожаев).

Важно также, что И. В. Кузнецов выбрал для сравнения годы наибольшей урожайности в двух последовательных климатических циклах, что позволяет избежать ошибки, совершенной П. Кастанеда Дауэром и А. Маркевичем.

Однако при исследовании зависимости динамики урожайности от первого параметра (процента домохозяйств, укрепивших свои наделы, от числа владеющих землей на общинном праве) И. В. Кузнецов столкнулся с серьезной проблемой. В некоторых губерниях крестьян, владеющих землей на общинном праве, практически не было (там преобладали подворники), и вычислить искомый процент не представлялось возможным. Поэтому исследователь исключил из рассмотрения Виленскую, Волынскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Подольскую губернии (а также, по другим причинам, Архангельскую губернию и Донскую область).

Но проблема осталась нерешенной. Осталось много губерний, в которых наличие большого количества крестьян-подворников препятствовало сопоставлению первого параметра с динамикой урожайности на всех наделных землях. Например, в Киевской губернии было всего 9% крестьян, владевших землей на общинном праве, и из них укрепили наделы 48,6% (это значение первого параметра). То есть всего укрепили наделы 4,5% крестьян. Между тем параметром отклика на это незначительное воздействие является увеличение урожайности не на земле этих малочисленных общинников, а на всей наделной земле. То есть, по существу, изучается влияние укрепления земли среди малочисленных общинников на динамику урожайности в хозяйствах подворников (составлявших 91% всех крестьян). При этом описывающий это влияние первый параметр в сравнении с другими губерниями весьма велик — 48,6%.

Сходная ситуация наблюдается в ряде других губерний. В Бессарабской, Курской, Полтавской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Витебской губерниях наличие большого количества крестьян-подворников делает невозможным использование первого параметра для изучения влияния реформы на динамику урожайности на всех наделных землях. Поэтому попытка И. В. Кузнецова использовать этот параметр представляется весьма сомнительной.

Однако И. В. Кузнецов использует и другой параметр: процент владельцев хуторов и отрубов, созданных на наделных землях за десятилетие (1907–1916), от общего числа крестьянских дворов по переписи 1905 г. Этот параметр представляется более важным, чем первый: по замыслу авторов реформы именно консолидация наделов путем перехода на хутора и отруба должна была увеличить урожайность полей и производительность труда в крестьянском хозяйстве¹³.

Расчет И. В. Кузнецова производится для 44 губерний, кроме прибалтийских (Эстляндской, Лифляндской, Курляндской), где реформа не проводилась; из-за отсутствия данных были исключены Гродненская, Ковенская и Оренбургская

губернии. Коэффициент корреляции Пирсона между вторым параметром и приростом урожайности был равен 0,52, т. е. переход на хутора и отруба объяснял 27 % прироста. Для 19 губерний потребляющей полосы коэффициент был равен 0,48; для 25 губерний производящей полосы — 0,59. Эти вычисления позволили И. В. Кузнецову сделать вывод, о «наличии значимых положительных связей» между созданием хуторов и отрубов и прогрессом сельского хозяйства¹⁴.

Выбор второго параметра также нельзя назвать удачным. В принципе, он должен отражать долю консолидированных хозяйств среди всех крестьянских хозяйств на надельной земле в 1916 г. Но число крестьянских хозяйств в 1916 г. неизвестно, поэтому вместо него берется искомое число в 1905 г. Однако, как признает исследователь, вследствие роста населения в 1916 г. хозяйств было существенно больше, чем в 1905 г. А. Кофод считал, что уже к 1912 г. количество дворов в губерниях увеличилось в среднем на 10 %¹⁵; но это увеличение не было равномерным, потому что из некоторых губерний шло значительное переселение крестьян в Сибирь. Таким образом, значения второго параметра не вполне соответствуют действительному проценту консолидированных наделов.

Кроме того, кажется неестественным сопоставление роста урожайности в 1900/1904 — 1909/1913 гг. с долей хуторов и отрубов в 1916 г. (то есть в будущем); очевидно, что лучше было бы брать эту долю на начало 1914 г.

Наконец, нужно учесть, что урожаи зависят не от количества дворов, а от площади земли, и средние размеры хуторов и отрубов были больше, чем размеры хозяйств рядовых общинников¹⁶. Поэтому в качестве независимого параметра разумнее брать процент земли, отведенной под отруба и хутора к 1 января 1914 г., от общего количества надельной земли по переписи 1905 г.¹⁷ В отличие от количества дворов площадь надельных земель практически не менялась, и статистики, составлявшие «Ежегодники России» 1909–1913 гг., при вычислении этого процента использовали материалы переписи 1905 г.

Нужно, правда, заметить, что небольшая часть земли хуторян и отрубников (в среднем менее 6%) осталась в общем пользовании выделившихся хозяйств. Но это были отдельные участки лугов и пастбищ, и данное обстоятельство не влияло на производительность пашен¹⁸.

В дальнейших вычислениях мы исключили из рассмотрения Оренбургскую губернию, для которой нет данных о хуторах и отрубках, а также Архангельскую и Астраханскую губернии, в хозяйстве которых земледелие играло второстепенную роль. Исключается также Донская область: здесь 93 % надельной земли принадлежало казакам, и на этих землях реформа не проводилась. Таким образом, расчет производился для 43 губерний. Данные для расчета приводятся в таблице.

Коэффициент корреляции между двумя указанными в таблице параметрами равен 0,55. Коэффициент детерминации равен 0,30, т. е. теоретически консолидация земель объясняет 30 % динамики урожайности. Это должно было бы свидетельствовать об успехе столыпинской реформы в масштабах всей России. Однако приглядимся к таблице более внимательно. В первых 26 строках располагаются губернии Великороссии, Московской Руси конца

Сопоставление процента площади консолидированной земли и прироста среднегодовой чистой урожайности «главных» хлебов (ржи, пшеницы, овса и ячменя) на наделных землях в 1900/1904 — 1909/1913 гг.

№ п/п	Губерния	Консолидированная земля, %	Прирост урожайности, %	№ п/п	Губерния	Консолидированная земля, %	Прирост урожайности, %
1	Олонейская	0,5	13,9	23	Казанская	2,5	-2,4
2	Вологодская	1,3	15,3	24	Вятская	0,3	-5,2
3	Новгородская	5,6	13,9	25	Уфимская	4,0	1,7
4	Тверская	5,7	2,7	26	Пермская	1,2	-0,6
5	Ярославская	4,5	3,7	27	Санкт-Петербургская	18,4	20,8
6	Костромская	1,6	11,0	28	Псковская	10,8	30,5
7	Московская	4,0	8,9	29	Клевская	7,9	15,3
8	Смоленская	10,9	5,8	30	Полтавская	7,3	16,5
9	Владимирская	2,9	-1,8	31	Могилевская	12,6	12,3
10	Калужская	3,2	10,8	32	Харьковская	12,5	34,1
11	Тульская	5,2	-5,7	33	Таврическая	16,8	23,0
12	Рязанская	2,0	-6,1	34	Бессарабская	5,6	20,0
13	Орловская	4,1	8,1	35	Вольнская	7,8	17,9
14	Тамбовская	4,0	-12,3	36	Екатеринославская	24,3	30,2
15	Воронежская	3,2	1,0	37	Подольская	1,6	11,6
16	Курская	4,4	5,4	38	Херсонская	14,1	22,8
17	Черниговская	2,4	4,4	39	Виленская	8,4	29,8
18	Пензенская	6,1	-2,4	40	Витебская	19,8	33,90
19	Симбирская	6,0	-4,4	41	Гродненская	4,4	24,1
20	Самарская	18,7	5,2	42	Ковенская	17,8	23,9
21	Саратовская	12,4	-8,8	43	Минская	5,8	20,4
22	Нижегородская	4,2	-3,2				

Составлено по: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1914 г. Ч. Б. С. 20–53, 13, 80–129; Статистика землевладения 1905 г.: свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907. — Подсчитан процент площади консолидированной земли; Кузнецов И. А. Столыпинская аграрная реформа... С. 73–75. — Подсчитан прирост урожайности.

XVI в. В центральных районах Великороссии процент консолидированной земли очень мал (за исключением Смоленской губернии), и представляется маловероятным, что он мог оказать существенное влияние на рост урожайности. Вдобрывок во многих губерниях (Владимирской, Рязанской, Тульской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Казанской, Вятской) наблюдался не рост, а падение урожайности. В Поволжье, в Самарской и Саратовской губерниях процент хуторов и отрубков был значителен, но, несмотря на это, в Саратовской губернии урожаи падали. Двадцать шесть губерний составляют основной массив губерний Европейской России, включающий северные, центрально-промышленные, центрально-черноземные, поволжские и заволжские губернии. Если подсчитать коэффициент корреляции между процентом консолидации и ростом урожайности для 26 губерний, то окажется, что он отрицательный и равен $-0,11$. То есть здесь не наблюдается никакой зависимости урожайности от результатов реформы.

Причина такого положения дел, по-видимому, заключалась в том, что реформа встречала в этом регионе серьезное сопротивление крестьян-общинников: 94 % дворов здесь принадлежали общинникам и только 6 % — подворникам¹⁹. По данным анкеты, распространенной Вольным экономическим обществом, большинство крестьян в центральных районах отрицательно относились к указу 9 ноября 1906 г. Об отрицательном отношении говорилось в 89 отзывах, а о положительном — лишь в семи. Крестьяне, защищавшие общину, утверждали, что она дает жить и малоземельным хозяевам. В Тамбовской губернии, например, крестьяне были не согласны выходить из общины потому, что тогда и «куру негде будет водить». В Рязанской губернии «к новому закону отнеслись как к заразной болезни, так как и теперь... стало много безземельных, а дальше будет и больше»²⁰.

По указу от 9 ноября 1906 г., дворохозяин, желавший выйти из общины, должен был заявить о своем намерении сельскому сходу, который определял участки полей, укрепляемых в личную собственность заявителя. Если сход выражал несогласие, то следовало обратиться к земскому начальнику, однако не все крестьяне решались продолжать процесс выхода вопреки мнению схода. Таким образом, число хозяев, реально вышедших из общины, было меньше числа подавших заявление, и процент отклоненных сходом заявок может служить мерой сопротивления общины²¹. В выделенных 26 губерниях на 1 января 1914 г. этот процент составлял 31 %, а в оставшихся 17 губерниях — 18 % от числа подавших заявление крестьян-общинников (подворники заявлений не подавали)²². Наиболее упорное сопротивление реформа встретила в губерниях: Вятской (отклонено 57 % заявок), Казанской (52 %), Пермской (51 %), Вологодской (50 %), Воронежской (42 %), Владимирской (39 %), Симбирской (38 %). Такое положение резко контрастировало с ситуацией в западных и южных губерниях, где общинники жили рядом с подворниками, и община не сопротивлялась выходам. Например, в Могилевской губернии было отклонено всего 3 % заявок²³.

Таким образом, в западных и южных губерниях реформа не встречала такого сопротивления, как в Великороссии, и следует ожидать, что здесь она

окажет положительное влияние на повышение урожайности. Действительно, если коэффициент корреляции между процентом консолидированной земли и урожайности для 43 губерний составляет 0,55, а для 26 губерний равен $-0,11$, то в оставшихся 17 губерниях он должен быть достаточно высоким. Однако в данном случае этот коэффициент равен только 0,51, т. е. максимальный положительный эффект реформы наблюдался не во всех 17 губерниях, а в какой-то меньшей области.

А. Кофод, подводящий итоги землеустройства на конец 1912 г., выделил две области, в которых распространение хуторов шло быстрыми темпами. Во-первых, это «Южная степь»: Екатеринославская, Таврическая, Харьковская и Херсонская губернии. Здесь «землеустроительные работы развиваются особенно интенсивно благодаря однородности почвы, промышленного характера мелкого сельского хозяйства и относительной обеспеченности крестьян»²⁴. Другая область — это северо-западные губернии: Санкт-Петербургская, Псковская, Витебская, Могилевская, Смоленская. Здесь хуторское движение началось еще до реформы под воздействием примера издавна живших хуторами прибалтийских крестьян²⁵.

Нужно отметить, однако, что А. Кофод выделял губернии, где имелся наибольший процент консолидированных хозяйств, а не те, в которых консолидация вызвала соответствующее повышение урожайности. Эффект обустройства хуторов в этих губерниях оказался различным: так, при практически одинаковом уровне консолидации земель, урожайность возросла в Псковской губернии на 31 %, а в Смоленской — только на 6 %. В целом по девяти губерниям корреляция между уровнем консолидации и урожайностью составляет только 0,41. Это незначительный коэффициент, не позволяющий сделать вывод о существовании определенной зависимости урожайности от уровня консолидации.

П. Н. Першин, изучавший итоги процесса землеустройства уже после революции, также выделял две области наибольшего распространения хуторов. Эти области шире, чем у Кофода: к северо-западной области Першин присоединил Ковенскую губернию, а к южной степной — Полтавскую, Самарскую, Саратовскую, Ставропольскую губернии и Донскую область²⁶. Он объясняет распространение хуторов в этих областях рыночной ориентацией крестьянских хозяйств: «Северо-запад — район интенсивного полеводства и животноводства, резко выявляющий на себе влияние близких рынков. Юг и юго-восток — районы экстенсивно-зернового и экстенсивно-скотоводческого хозяйства также с ярко выраженным рыночным характером производства»²⁷. Коэффициент корреляции между консолидацией и урожайностью для этих 13 губерний (исключая не рассматриваемые в этой работе Ставропольскую губернию и Донскую область) составляет 0,32. Этот коэффициент также незначим и не позволяет сделать определенных выводов. Это объясняется резкими контрастами в эффективности реформы: как отмечалось выше, в Саратовской губернии распространение хуторов сопровождалось падением урожайности.

А. Кофод и П. Н. Першин выделяли губернии с наибольшим процентом консолидированных хозяйств, оставляя в стороне вопрос о динамике

урожайности. При этом они получали мозаичную картину из географически несвязанных областей. Однако при исследовании вопроса об эффективности преобразований нужно рассматривать не только самые передовые губернии, но и соседние, менее «продвинутые», проверяя гипотезу о том, что меньшей консолидации должен сопутствовать меньший рост урожайности. И желательно, чтобы область была связной, представляла в географическом и экономическом отношении относительно единое целое.

Таким образом, естественно рассмотреть сплошную область из окраинных западных и южных губерний: Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской, Минской, Волынской, Подольской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической (№ 33–43 в таблице). В этих губерниях были распространены рыночные отношения и 65 % хозяйств принадлежали подворникам²⁸. В западных губерниях процесс переселения на хутора шел и раньше, до начала реформы²⁹. Но уровень консолидации был разным. В пяти из одиннадцати губерний (Таврическая, Екатеринославская, Херсонская, Витебская, Ковенская) к 1914 г. имелся большой процент хуторов и отрубов, и ему соответствует рекордный прирост урожая. В Подольской, Гродненской, Минской губерниях хуторов было меньше и, соответственно, относительно меньшим был прирост урожайности. В целом по 11 губерниям коэффициент корреляции между уровнем консолидации и урожайностью равен 0,70. По общепринятой классификации такая зависимость считается сильной. Консолидация земель объясняла здесь почти половину (49 %) прироста урожая. Здесь наиболее ярко проявлялся позитивный эффект преобразований.

Таким образом, в Европейской России существовали две области, по-разному отреагировавшие на столыпинскую реформу. В патриархальной общинной Великороссии (26 губерний) реформа встретила сопротивление и в целом не имела успеха, а в одиннадцати западных и южных губерниях, где и раньше были развиты частнособственнические отношения, реформа принялась и привела к повышению урожайности. Шесть оставшихся губерний занимали промежуточное положение между этими двумя областями, соответственно и ситуация в плане эффекта реформы здесь была промежуточной.

¹ *Кобод А.* 50 лет в России. 1878–1920 / [пер.: Л. Вайль науч. комм. А. В. Гутерц]. СПб., 2009. С. 197.

² Цит. по: *Герасименко Г. А.* Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. С. 183.

³ *Власть и реформы. От самодержавной к советской России* / [В. М. Панеях, Е. В. Анисимов, А. Н. Цамутали и др.; редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) и др.]. СПб., 1996. С. 591.

⁴ *Дубровский С. М.* Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925. С. 87.

⁵ *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992. С. 63.

⁶ *Корелин А. П., Шаццлло К. Ф.* П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства: сб. ст. / [под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева]. М., 1996. С. 40.

⁷ *Давыдов М. А.* Аграрная реформа П. А. Столыпина: основные направления и историческое значение // Уральский исторический вестник. 2020. № 1. С. 32.

⁸ Yaney G. L. *The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. 1861–1930.* Urbana; Chicago; London, 1982.

⁹ Мауцзато К. Столыпинская реформа и российская агротехническая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200

¹⁰ Castañeda Dower P., Markevich A. The Stolypin Reform and Agricultural Productivity in Late Imperial Russia // *European Review of Economic History*. 2019. Vol. 23 (3). P. 241–267.

¹¹ Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia* / ed. by E. Kingston-Mann and T. Mixer. Princeton, 1991. P. 133–134.

¹² Кузнецов И. А. Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 3. С. 42–78.

¹³ Кофод А. А. Хуторское расселение. СПб., 1907.

¹⁴ Кузнецов И. А. Столыпинская аграрная реформа... С. 71.

¹⁵ Кофод А. А. Русское землеустройство. СПб., 1913. С. 83.

¹⁶ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 259–265.

¹⁷ Подсчитывается по: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1914 г. Пг., 1914. Ч. Б. С. 20–53.

¹⁸ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. С. 255.

¹⁹ Подсчитано по: Статистика землевладения 1905 г.: свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907.

²⁰ Цит. по: Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 102.

²¹ Тюкавкин В. Г. Великокорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 194–195.

²² Подсчитано по: Статистический ежегодник России. 1913. Ч. 6. СПб., 1914. С. 16.

²³ Там же.

²⁴ Кофод А. А. Русское землеустройство. С. 86.

²⁵ Там же; Кофод А. А. Хуторское расселение. С. 7–8.

²⁶ Першин П. Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920 гг.). М., 1922. С. 8.

²⁷ Там же.

²⁸ Подсчитано по: Статистика землевладения...

²⁹ Кофод А. А. Хуторское расселение. С. 7–8.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2022 г.

Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нефедов С. А. Региональные эффекты столыпинской реформы // *Новейшая история России*. 2022. Т. 12, № 4. С. 925–935. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.407>

Аннотация: Как известно, главной целью реформы П. А. Столыпина было повышение урожайности в крестьянских хозяйствах. Ликвидация чересполосицы, консолидация крестьянских наделов в хуторах и отрубках открывали дорогу для использования более совершенной агротехники. Историки спорят о том, в какой степени реформы повлияли на динамику урожайности накануне Первой мировой войны. В последние годы для решения этого вопроса стали использоваться математические методы. Однако их применение требует аккуратного выбора как независимых, так и зависимых переменных. В данной работе в качестве независимой переменной используется доля консолидированной земли в общей площади наделных земель в разных губерниях, а зависимой переменной является чистая урожайность зерновых на наделных землях. Корреляционный анализ показывает, что в целом по 43 губерниям Европейской России консолидация земли объясняла 30% динамики урожайности. Но при этом имелись очень большие порайонные различия. В 26 губерниях Великокоруссии не отмечалось сколько-нибудь

существенного влияния реформы на урожайность; во многих губерниях урожайность уменьшалась. Неудача реформы в Великороссии была связана с наличием здесь крепких крестьянских общин, практиковавших переделы земли и сопротивлявшихся распространению хуторов. Напротив, в 11 окраинных западных и южных губерниях реформа ознаменовалась успехом. Здесь издавна преобладали общины с наследственным подворным землевладением, которые в целом поддержали программу Столыпина. Распространение хуторов и отрубов привело здесь к значительному росту урожайности, причем 50% этого роста объясняется консолидацией крестьянских наделов.

Ключевые слова: земля, хутор, фермерские хозяйства, надел, община, повышение урожайности, сопротивление, крестьяне.

Сведения об авторе: *Нефедов С. А.* — д-р ист. наук, доц., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия); hist1@yandex.ru

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Россия, 620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

FOR CITATION

Nefedov S. A. 'Regional Effects of the Stolypin Reform', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 925–935. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.407> (In Russian)

Abstract: The main goal of P.A. Stolypin's reform was to increase yields in peasant farms. The unification of peasant allotments into farms opened the way for the use of more advanced agricultural machinery. Historians argue about the extent to which the reforms affected the dynamics of yields on the eve of the First World War. In recent years, mathematical methods have been used to solve this problem. However, the application of these methods requires careful selection of both independent and dependent variables. In this paper, the share of consolidated lands in the total area of allotment lands in different provinces is used as an independent variable, and the dependent variable is the net grain yield on allotment lands. Correlation analysis shows that, in general, in 43 provinces of European Russia, land consolidation explained 30% of the yield dynamics. But at the same time, there were very large regional differences. In 26 provinces of Great Russia, the reform did not have a significant impact on yields; in many provinces, yields decreased. The failure of the reform in Great Russia was due to the presence of strong peasant communities here, who practiced land redistribution and resisted the spread of farms. On the contrary, in 11 marginal western and southern provinces, the reform was marked by success. For a long time, communities with hereditary home ownership dominated here, and these communities generally supported Stolypin's program. The spread of farms has led to a significant increase in yields here, and 50% of this growth is due to the consolidation of peasant allotments.

Keywords: land, farms, steading, allotment, obshchina, increasing yields, resistance, peasants.

Author: *Nefedov S. A.* — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); hist1@yandex.ru

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, ul. S. Kovalevskoy, Yekaterinburg, 620108, Russia

References:

- Castañeda Dower P., Markevich A. 'The Stolypin Reform and Agricultural Productivity in Late Imperial Russia', *European Review of Economic History*, vol. 23, iss. 3, 2019.
- Davydov M. A. 'Agrarian reform P. A. Stolypin: main directions and historical significance', *Ura'skii istoricheskii vestnik*, no. 1, 2020. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-1\(66\)-27-36](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-1(66)-27-36) (In Russian)
- Dubrovsky S. M. *Stolypin land reform* (Moscow, 1963). (In Russian)
- Dubrovsky S. M. *Stolypin reform. Capitalization of agriculture in the 20th century* (Leningrad, 1925). (In Russian)
- Gerasimenko G. A. *The struggle of peasants against Stolypin agrarian policy* (Saratov, 1985). (In Russian)
- Kimitaka Matsuzato. 'Stolypin Reform and the Russian Agrotechnical Revolution', *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, 1992. (In Russian)

- Kofod A. *50 years in Russia. 1878–1920* (St Petersburg, 2009). (In Russian)
- Kofod A. A. *Khutor settlement* (St Petersburg, 1907). (In Russian)
- Kofod A. A. *Russian Land management* (St Petersburg, 1913). (In Russian)
- Korelin A. P., Shatsillo K. F. 'P. A. Stolypin. Attempt to modernize agriculture in Russia' in *Sud'by rossijskogo krest'yanstva*, ed. Yu. N. Afanasyev (Moscow, 1996). (In Russian)
- Kuznetsov I. A. 'Stolypin agrarian reform and agricultural productivity in European Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century', *Krest'ianovedenie*, vol. 6, no. 3. 2021. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-3-42-78> (In Russian)
- Pershin P. N. *Precinct land use in Russia: Farms and cuts, their distribution over the decade 1907–1916 and fate during the revolution (1917–1920)* (Moscow, 1922). (In Russian)
- Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia*, ed. B. V. Ananyich (St Petersburg, 1996). (In Russian)
- Tyukavkin V. G. *Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Wheatcroft S. 'Crises and the Condition of the Peasantry' in *Late Imperial Russia' in Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia* (Princeton, 1991).
- Yaney G. L. *The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. 1861–1930* (Urbana — Chicago — London, 1982).
- Zyryanov P. N. *Pyotr Stolypin: Political Portrait* (Moscow, 1992). (In Russian)

Received: February 15, 2022

Accepted: August 21, 2022